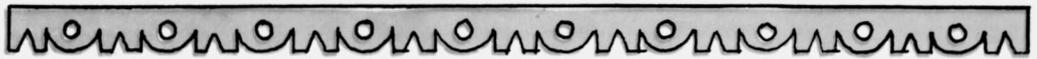

СФ(КФ)
К17

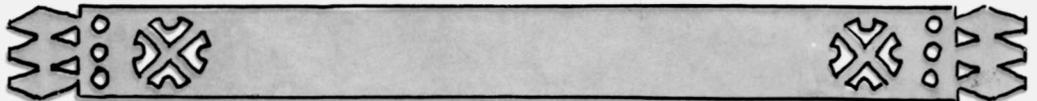
КАЛЕВАЛА

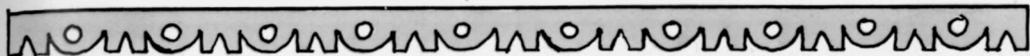

Л Е Т
П Е Р В О М У И З Д А Н И Ю
Э П О С А

КАЛЕВАЛА

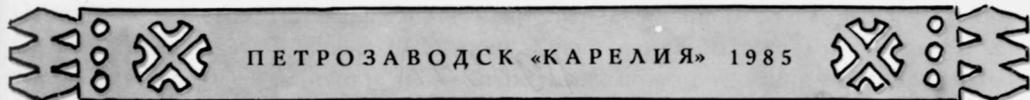
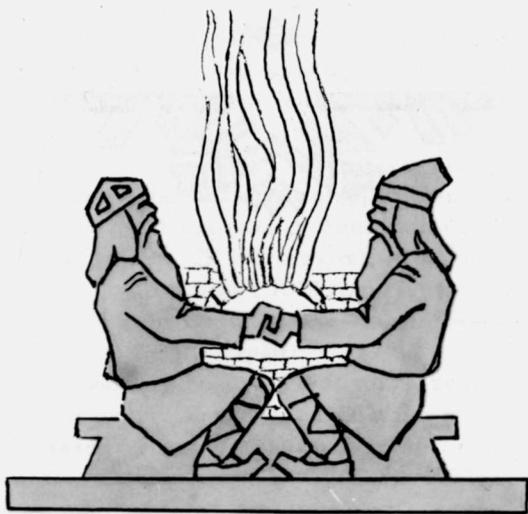
1835-1985

КАЛЕВАЛА

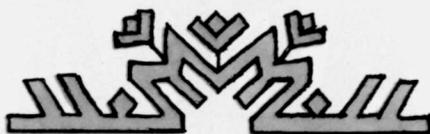
КАРЕЛО-ФИНСКИЙ
НАРОДНЫЙ ЭПОС
СОБРАЛ И ОБРАБОТАЛ
ЭЛИАС ЛЁННРОТ

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ» 1985

СФ(КФ)
—82.3 Карел.
К 17

1992 г.

ПЕРЕВОД
Л. П. БЕЛЬСКОГО

ИЛЛЮСТРАЦИИ
Г. А. СТРОНКА

1196941

К 4702270000 — 022 36—85
M127(03)—85

БИБЛИОТЕКА
Карельского филиала
Академии наук СССР «Карелия», 1985, статья,
перевод предисловия, иллюстра-
ции, оформление.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ ЭЛИАСА ЛЕННРОТА К «КАЛЕВАЛЕ» (1849)

§ 1. *О расположении рун в «Калевале».* Эта книга о далеком прошлом наших предков, об их жизни и делах, выпускается теперь в намного более полном виде по сравнению с прежним изданием, и такой, наверное, она останется на будущее, ибо подобного рода новых рун, которые еще не были бы записаны, едва ли удастся найти в значительном количестве; все места, где только можно было надеяться их отыскать, уже обследованы многократно многими собирателями. Твердо памятуя о том, что для финского народа и его языка, пока они будут существовать на свете, эти руны навсегда останутся древнейшим и своеобразнейшим их свидетельством, составитель попытался тщательно и бережно, в меру своего умения, связать руны общей последовательностью, собрать в единое целое все, что в них повествуется об обычаях и событиях минувших времен. Такое объединение потребовало, однако же, большой свободы при его осуществлении, учитывая, что даже лучшие рунопевцы сами не слишком склонны объединять большое число рун, которые к тому же не всегда подходят друг к другу; поэтому часто приходилось руководствоваться требованием единства самого повествования и иногда отклоняться от того порядка, который был принят в первом издании «Калевалы». Наверное, новое расположение тоже не во всем удалось настолько, чтобы удовлетворить всех и не вызвать нареканий.

§ 2. *Об именах собственных в рунах.* Не только последовательностью исполнения, но и упоминаемыми в них собственными именами различаются руны, собранные от разных певцов в разных местах. О Вяйнямёйнене один певец поет то, что другой певец поет об Ильмаринене, а третий — о Лемминкяйнене. О Лемминкяйнене же первый певец поет то, что другой — о Куллерво или Ёукахайнене. Вместо Куллерво, везущего дань (руна 35-я, стихи 69—358), у других певцов при тех же обстоятельствах упоминаются Туйретуйнен, Тууриркинен, Лемминкяйнен или «старый сын Вяйнё».

Подобное непостоянство наблюдается и в названиях мест. Многократно чередуются названия Калевала, Вяйнёля, Луотола, Луотела, Пяйвёля, Пяйвиля, Юмалисте, Вуоела, Йоукола, Саарела, Сариола, Сараоя, Сарая, Похьёла, Лаппи, Руйя. Чередование перечисленных имен и названий особенно часто встречается во вступительных эпизодах, реже в главных. Преодолеть подобный разрыв в употреблении имен собственных нам помогли два соображения: направление самого повествования и пример лучших рун, собранных в наиболее песенных местах.

§ 3. *О нынешних местах бытования калевальских рун.* Богатейшим песенным краем является волость Вуоккинеми Беломорской (Архангельской) губернии. К востоку от нее в сторону Юшкозера и Панозера, к северу в сторону Топозера и Пяозера руны сохранились намного хуже. Лучше они сохранились, начиная с Репола и Гимола, которые входят в Олонецкую губернию, затем <...> в Иломанси, Суоярви, Суйстамо, Импилахти, Сортавале и далее вдоль западного Приладожья к Ингерманландии, где калевальские руны еще помнят, хотя и с изъянами.

§ 4. *О тех, кто первым указал на места бытования рун и на возможность их объединения.* В заслугу доктору Сакариасу Топелиусу, бывшему губернскому врачу следует поставить то, что изданные им в 1822—1836 годах пять выпусков под названием «Древние руны и новые песни финского народа» впервые дали представление о местах непосредственного бытования этих рун. Еще до этого ассистент университета, нынешний профессор Рейнхольд фон Бекер, собрал в Приботнии несколько рун о Вяйнямёйнене и напечатал их в 1820 году в газете «Турун Вийкко-Саномиа» в определенном порядке, что было первым опытом их объединения. Без этих двух лиц руны «Калевалы», может быть, и теперь оставались бы скрытыми от нас в своих укромных местах, ибо без указания Топелиуса кто догадался бы отправиться искать их в российскую Карелию, а без опыта Бекера кому пришла бы в голову внезапная мысль о возможном их объединении?

§ 5. *Об исконности рун «Калевалы».* Многие куски из включенных в «Калевалу» рун поются также в качестве самостоятельных песен. Такими являются рождение железа (в «Калевале» 9-я руна), заговор охотника (14-я руна), заговор при выгоне стада (32-я руна), рождение огня (47-я руна), прочие заклинательные и свадебные песни (руны 21—25), а также руны о медведе (46-я руна). Сами рунопевцы, дойдя до таких мест, часто их пропускают со ссылками: «Тут будет заговор о железе», или: «Отсюда начинаются свадебные песни, их вам поют женщины». Это послужило основанием, чтобы дополнить калевальские руны подобными песнями и заговорами, независимо от того, вместе ли они исполнялись или отдельно. Их и сейчас поют в обыденной обстановке по всей Карелии, финской и российской, а также в Ингерманландии, местами даже в Саво и Приботнии. И хотя время, видимо, привнесло в них, как и в другие руны, какие-то новые слова и мысли, однако трудно, по существу невозможно отделить их от рун исконных, принадлежащих калевальскому времени. Разумнее воздержаться от попыток подобного дотошного разграничения; те изначальные руны были как бы семенами, посеянными в почву преданий и давшими на протяжении веков, а может быть даже тысячелетий нынешний богатый песенный урожай.

С исконностью песен дело обстоит примерно следующим образом. Скажем, на празднике или при ином случае человек слышит новую песню, старается запомнить

ее. А потом, уже в другой обстановке, он и сам поет ее в присутствии новых слушателей, хотя запомнилась ему песня больше своим содержанием и сутью, а не во всех подробностях, слово в слово. Те места, которых он дословно не помнит, он передает по-своему, своими словами и, возможно, даже лучше, чем его предшественник; а если и упустит какую-нибудь мелочь, то взамен найдет другую. Таким же образом песня передается дальше — все новым слушателям и исполнителям, и если что и меняется в ней, то больше в словах, чем в сути.

Но наряду с вышеописанным способом распространения песни есть и другой, при котором старинные песенные слова сохраняются более устойчиво: это способ, когда песня передается непосредственно от родителей к детям, от старшего поколения к младшему. Впрочем, и такая песня второго рода, хотя она и удерживает отчасти ту первую песню-сестрицу от слишком далеких странствий-отклонений, тем не менее и сама должна временами поспешать за нею, чтобы не очень отстать.

§ 6. *Об опасениях, что старинные руны исчезают.* Поскольку к старинным рунам и рунопевцам в российской Карелии по-прежнему относятся с уважением, можно полагать, что до сих пор происходило не забывание рун, а, напротив, они становились все лучше и прекраснее вплоть до нынешнего их вида во множестве вариантов. Вероятно, несколько веков тому назад еще невозможно было бы обнаружить такого их богатства, хотя всходы, конечно, были и шел их буйный рост. Отныне и впредь, видимо, будет происходить скорее убывание, чем пополнение рун. Ведь теперь каждый желающий может иметь их в напечатанном виде в готовой книге, и даже с большей полнотой, чем мог их исполнить на память один рунопевец. Поэтому устное исполнение уже не будет так цениться, и постепенно угаснет сам обычай. Произойдет то же, что происходит с диалектами по мере того, как набирает силу общий литературный язык; если прежде диалекты взаимно отдалялись и даже могли появляться новые, то с развитием литературного языка они объединяются вокруг него.

§ 7. *О заимствованных словах.* Из того, что было сказано о распространении и бытовании рун, легко понять, что в руны могли проникать и такие слова, которые появились в языке лишь относительно поздно; из этого, однако, еще нельзя заключить, что и сами руны по происхождению не древнее этих слов. Ведь слова и язык рун — это лишь скроенная по мерке времени верхняя одежда, в которую облечено предание. Многие слова шведского и русского происхождения были обычными в старинных рунах, видимо, еще во времена существования Биармии¹, обитатели которой, согласно древним источникам, вели торговлю как с исландцами и норвежцами, так и с русскими, а через торговлю народы обычно приобретают друг у друга еще и слова. Большинство тех шведских заимствований, которые считаются вошедшими в финский язык лишь после того, как Финляндия стала частью Швеции, встречаются, однако, и в языке жителей русской Карелии и Олонецкого края. А это уже трудно объяснить иначе, кроме как тем, что упомянутые заимствования все же были усвоены финнами еще до того, как они стали подданными Швеции и России.

¹ Биармия (финское *Bergmä* в скандинавских сагах *Biarmaland*, в англосаксонских источниках *Beorntas*) — приурочиваемое к IX—X вв. н. э. полупоэтическое название весьма неопределенной по своим географическим границам территории на севере Европы, между Белым и Балтийским морями, с финно-угорским населением. Некоторые советские исследователи (Д. В. Бубрих, В. В. Пименов и др.) соотносят Биармию с так называемой Заволочской Чудью, связывая последнюю, в свою очередь, с предками вепсов. — (Прим. перев.)

§ 8. *О времени возникновения рун и их первоначальной родине.* Высказывалось много догадок о времени и месте зарождения рун. Наиболее достоверным представляется мнение, согласно которому руны возникли во времена Биармии, на юго-восточном побережье Белого моря или же в местах больших озер — Выгозера, Онежского и Ладожского, в обширной области, раскинувшейся между Онежской губой Белого моря и Финским заливом Балтийского моря. Те финны в российской Карелии¹, среди которых эти руны хранились в течение столетий, похоже, являются прямыми потомками древнего, богатого, сильного и славного народа Биармии. В отличие от прочих финнов у них и теперь все еще сохраняется унаследованная от древних времен бытовая культура со своеобразными остатками общинной жизни, с особым их талантом к корабейничеству вопреки всем чинимым запретам и препонам, со свойственной им физической подвижностью и живостью ума; все это вместе с особенностями их нынешних жилищ, их памятью на песни, шведскими заимствованиями в их языке, своеобразными женскими украшениями и т. д. находит лучшее объяснение, будучи соотношенным по своему происхождению с биармским временем. По физической расторопности, умственной сообразительности и охоте к торговле ближе всего к ним стоят в Финляндии жители Приботнии и финские карелы, последние вместе с ингерманландцами также в смысле памяти на песни.

§ 9. *О жителях Похьёлы.* Хотя имеются доводы в пользу предположения, что под народом Похьёлы в рунах подразумеваются лапландцы, правдоподобнее все же полагать, что в Похьёле обитали не лапландцы, а какая-то особая ветвь финнов. В образных параллелизмах рун название Похьёла, правда, чередуется с названием Лаппи, однако это последнее название, похоже, имеет лишь некий уничижительный оттенок, подобно названиям Пиментола (Темная страна), Унтамола (Сонная страна), Кюмя кюля (Холодная деревня), Миестен сюё сиа (Место, где пожирают мужчин) и т. п. Только в одном случае (руна 12-я, стихи 199—200) упоминается о том, что люди в Похьёле говорят на чужом языке, но тут возможно и такое объяснение: когда мать Лемминкяйнена запрещает сыну отправляться в Похьёлу и в числе прочих доводов для его удержания говорит, что он «не знает языка Турьи, не умеет говорить на языке лаппи», то здесь подразумевается не обыденная речь, а заклинательное искусство Похьёлы. К тому же место это могло войти в руну позднее, перейти в нее из какой-либо другой руны. Как бы то ни было, упомянутому случаю не следует придавать слишком большого значения, потому что есть много противоположных по смыслу упоминаний, свидетельствующих о том, что жители Похьёлы и жители Калевалы легко понимали язык друг друга. Кроме того, весь образ жизни в Похьёле очень уж отличается как от нынешней, так и, надо полагать, от прошлой жизни в Лапландии. На протяжении значительной части «Калевалы» народ Похьёлы предстает куда более могучим, чем когда-либо были лапландцы. Лемминкяйнен упоминает (руна 27-я, стихи 109—114), что прочие калевальцы и он сам возили в Похьёлу ячмень в качестве дани; о том же говорится в другом месте (руна 35-я, стихи 65—74). Но разве когда-нибудь хоть один народ являлся данником лапландцев? О своем былом могуществе хозяйка Похьёлы упоми-

¹Подразумевается коренное карельское население; слово «финны» употреблено здесь в расширительном этнолингвистическом смысле, подобно тому как в современной науке есть совокупное понятие «прибалтийские финны», под которым имеются в виду все прибалтийско-финские народности — эстонцы, финны, карелы, вепсы, ижоры, ливы, воль. — (Прим. перев.)

нает и в других случаях (руна 42-я, стихи 335—336; руна 43-я, стихи 371—374). Вероятнее всего, в Похьёле обитала какая-то финская ветвь, и Калевала некогда платила ей дань, пока Вяйнямёйнен, Ильмаринен и Лемминкяйнен не покончили с зависимостью. В том и состоят связь и единство рун «Калевалы», что они повествуют, как Калевала постепенно сравнялась в своем благополучии с Похьёлой, а затем и превзошла ее.

§ 10. *Язык рун* — обычное, распространенное в Карелии наречие финского языка, немногим отличающееся от других наречий финских провинций. Поэтому любому финну, откуда бы он ни был родом, руны понятны после небольшого навыка. Необычным словам все же даются пояснения. <...>

§ 11. *О воспроизведении языка рун в письме.* В настоящем издании способ письменного воспроизведения рун по возможности согласован с обычным литературным языком и общими правилами грамматики. <...>

§ 12. *О собраниях калевальских рун и их собирателях.* В течение тех четырнадцати лет, которые прошли после выхода в свет первого издания «Калевалы» в 1835 году, накопилось немало новых собраний рун, и собирателями были: студент университета И. Ф. Каян, магистр М. А. Кастрен, студенты Д. Э. Д. Эуропеус, А. Э. Алквист, Ф. Полен, З. Сирелиус, магистр Х. А. Рейнхольм, а также составитель этого издания. Кроме Каяна, который ездил за рунами на собственные средства, все остальные перечисленные собиратели пользовались помощью Общества финской литературы. Особенно много новых рун и вариантов к прежним рунам удалось собрать Эуропеусу во время поездок 1845, 1846 и 1848 годов. На основе этих больших собраний, осуществленных им и другими собирателями и хранящихся вместе с прежними записями в Обществе финской литературы, и возникло это новое издание «Калевалы», почти в два раза большее по объему в сравнении с первым изданием. Насколько новое издание лучше прежнего по расположению рун и содержанию, об этом пусть судит читатель.

Перевод с финского
Э. Г. КАРХУ